

СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Х.-Г. ГАДАМЕРА

(часть первая)

В.В. Мархинин

Сургутский государственный университет

Markhinin@yandex.ru

В статье выявляется и интерпретируется трактовка Х.-Г. Гадамером специфики гуманитарных наук в рамках его философской герменевтики. Анализируются позиция гадамеровского антиметодологизма в сфере гуманитарного познания, его сближения способа познания в гуманитарных науках с опытом искусства, практически-исторического сознания и философии.

Ключевые слова: герменевтика, гуманитарные науки, понимание, герменевтическая диалектика.

Ханс-Георг Гадамер (Hans-Georg Gadamer) (1900–2002), немецкий мыслитель, основавший во второй половине XX в. учение, названное им *философской герменевтикой* (герменевтика – искусство толкования, имеется в виду, прежде всего, толкование текстов; от др.-греч. ἐρμηνευτική – разъясняющий, толкующий). Творчество Гадамера положило начало соответствующему течению философской мысли. Главный труд Х.-Г. Гадамера: Истина и метод. Основы философской герменевтики (Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philisophisen Hermeneutik) (1960).

Традиция герменевтики

Философская герменевтика наследует большую традицию разных форм герменевтики. Истоки герменевтики как искусства толкования текстов лежат в античности. Само слово *герменевтика* происходит от имени древнегреческого бога Гермеса, одна

из основных функций которого – быть вестником богов, возвещающим и истолковывающим их волю смертным. В классический период древнегреческой культуры (5–4 вв. до н. э.) герменевты толковали поэмы Гомера, в эллинистический период (4–3 вв. до н. э.) – разного рода священные тексты. Вместе с возникновением христианства и вплоть до Средних веков герменевтика выступала, главным образом, в форме экзегетики (др.-гр. ἐξηγητική – истолкование, изложение) – толкования текстов Библии. В Средние века в ответ на потребности толкования римского права, востребованного западноевропейской государственностью, возникает юридическая герменевтика (XI век). В эпоху Возрождения наряду с теологической и юридической герменевтикой формируется филологическая герменевтика. Решающую роль в создании условий для утверждения упомянутых отраслей герменевтики в виде самостоятель-

ных исследовательских дисциплин сыграла идеология Реформации, особенно в Германии. Под влиянием протестантизма герменевтика в Германии в XVIII–XIX вв. приобретает в трудах И.М. Хладениуса (1710–1759), И. Землера (1725–1791), В. Гумбольдта (1767–1835), Ф. Аста (1778–1841) и др. статус теоретической дисциплины.

Предшественники Гадамера в философской герменевтике

Х.-Г. Гадамер учитывает в своем учении богатую традицию герменевтики, но особое значение для него имеют труды Ф. Шлейермахера (1768–1834) и В. Дильтея (1883–1911), которых он справедливо считает своими предшественниками в создании философской герменевтики. Шлейермахер разрабатывал проект универсальной герменевтики, имевший философский характер. Универсальную цель герменевтики Шлейермахер усмотрел в *понимании* текстов любого рода. Он обратил внимание на то, что процесс понимания должен по необходимости иметь круговой характер: понимание части текста должно опираться на понимание его как целого, а понимание текста как целого должно иметь в виду понимание части текста. Как можно разорвать этот замкнутый *герменевтический круг* (шлейермахеровский термин и стоящая за ним проблема, обсуждаемая во всей последующей герменевтике)? Основной процедурой выхода из этого круга, обеспечивающей понимание текста, он считал психологический акт «вживания» и «вчувствования» (эмпатии) исследователя во внутренний мир автора текста. Это предполагалось возможным при той философской предпосылке, что герменевт и автор текста представляют индивидуальные выражения одной и той же

сверхиндивидуальной инстанции – «духа». В. Дильтей, в свою очередь, выдвинул концепцию герменевтики в рамках своего учения, названного «философией жизни». Дильтей расценивает *понимание* как основополагающую для научного социально-гуманитарного познания (по-немецки: для «наук о духе», *Geisteswissenschaften*; в дальнейшем, когда речь пойдет о немецкой традиции, мы будем употреблять как синонимы термины «гуманитарные науки» и «науки о духе») познавательную деятельность. *Понимание* в «науках о духе» предшествует *объяснению*, в то время как в естественных науках познание сводится к объяснению. Что касается процедуры, обеспечивающей понимание, то в этом Дильтей остается близким к Шлейермахеру: чтобы достичь понимания текста, исследователь-гуманитарий должен проникнуть во внутренний мир автора, в его *переживания* при посредстве общей принадлежности «духу», являющемуся орудием «жизни». Понимание становится возможным благодаря сопереживанию. Гадамер принимает идею Шлейермахера о необходимости трактовать понимание как универсальный по отношению к любым текстам познавательный акт и тезис Дильтея о понимании как основополагающем и специфичном для гуманитарных наук («наук о духе») познавательном акте. Но он занимает резко критическую позицию по отношению к психологизму и субъективизму герменевтических концепций того и другого.

Путь к преодолению психологической и субъективистской герменевтики Гадамер видит в онтологически ориентированном учении. В разработке этой ориентации Гадамер опирается на герменевтические идеи «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера (1889–1976), творчество которого ока-

зало на его взгляды особенно сильное влияние и которого он считает своим учителем в философии.

Философская герменевтика Гадамера против «метода»

Определяя характер своего учения, Гадамер отмечает, что «герменевтика представляет собой *универсальный аспект философии*, а не просто методологический базис так называемых наук о духе»¹. *Универсальным* аспектом философии свое герменевтическое учение Гадамер считает по той причине, что в нем осмысливается отношение к миру, как оно осуществляется в языке, помимо которого это отношение в принципе неосуществимо. *Аспектом* же философии это учение является постольку, поскольку оно центрировано на особой гносеологической и, прежде всего, по Гадамеру, следующему в этом за Хайдеггером, онтологической проблеме – проблеме *понимания*. Проблеме понимания как, в предельном смысле, проблеме понимания мира и отношения к миру; понимания, возможного, в конечном счете, благодаря опять-таки языку, особенно – языку, явленному в текстах.

Подчеркивая в цитированном заявлении, что герменевтика имеет философский статус, а не является «просто методологическим основанием так называемых наук о духе», Гадамер противопоставляет свою позицию позиции его критика – Э. Бетти (1890–1968), итальянского автора, реализовавшего проект «методологической герменевтики», претендовавший скорее на собственно научный, нежели на философский статус. Программным тезисом Гадамера яв-

ляется тезис о том, что герменевтика ни в коем случае не может и не должна выполнять роль методологии. Ибо, как он убежден, «метод» – это инструмент познания в естественных науках, что же касается гуманитарных наук, то им «методологизм», по его мнению, противопоказан. Однако Гадамеру не удастся до конца последовательно выдержать антиметодологическую линию в герменевтике, к чему мы еще возвратимся. Но прежде рассмотрим вопрос об области применимости философской герменевтики, как она раскрывается в его учении.

Область применения философской герменевтики

В действительности Гадамер ведет речь о применимости герменевтики, прежде всего, в гуманитарных науках. Среди них он выделяет теологию, юриспруденцию, филологию, историю, а в частности и в особенности – историю философии, искусствознание. Притом, что касается теологии и юриспруденции, то, вовлекая их в сферу своего внимания, он имеет дело все-таки с ними не как с собственно научными, а как с донаучными дисциплинами, функционирующими непосредственно в практике соответственно проповедничества и судопроизводства. Точно пределы корпуса гуманитарных наук Гадамер не обозначает. Например, в его рассуждениях о «науках о духе» никак не фигурирует психология (упоминаемые вскользь дисциплины «социальная психология» и «массовая психология» он считает примерами не гуманитарных, а социальных наук). Между тем если говорить о гуманитарных науках, то нельзя не иметь в виду, что согласно широко принятой в науке точке зрения именно в психологии ярче всего выражено гуманитарное начало. О чем свидетельствует и само название

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 550

данной науки, говорящее о ее происхождении из размышлений о «душе» (душа – от др.-греч. ψυχή – психэ), категории особенно близкой к категории «дух» и, судя уже поэтому, должной бы едва ли не в первую очередь относиться к «наукам о духе». Но Гадамер обделил эту науку вниманием.

Разделение гуманитарных и социальных наук

Гадамер, вразрез с Дильтеем, объединившим в разряде «наук о духе» гуманитарные и социальные науки, да и вразрез с общей тенденцией новейшего времени к осознанию их нераздельности и к объединению в единый корпус социально-гуманитарных наук, разделяет и противопоставляет гуманитарные науки и социальные науки. Социальные науки при этом не только не рассматриваются специально, но даже не называются входящими в этот разряд отдельными науками (за исключением только социальной психологии и социальной лингвистики, упомянутых мимоходом). Социальные науки Гадамер относит к общему типу с естественными науками (тоже оставленными безымянными, за исключением физики), квалифицируя их, т. е. социальные науки, как «естествознание об обществе»². Поскольку социальные науки фигурируют в главном труде Гадамера только указанным образом, то и предполагаемое Гадамером необходимым разграничение между гуманитарными и социальными науками с точки зрения относящихся к тому и другому типу конкретных отдельных наук также остается неопределенным.

Однако и вводимые Гадамером теоретические критерии разграничения гуманитарных и социальных наук не дают возмож-

ности опознавать ту или иную конкретную науку в качестве либо гуманитарной, либо социальной.

Гадамер вводит два основных критерия. Один критерий состоит в том, что гуманитарные науки изучают человеческую реальность. Как говорит об этом Гадамер, «предмет этих наук, моральное и историческое существование человека»³. И еще: «их предметом является нечто такое, к чему принадлежит с необходимостью и сам познающий»⁴. Соответственно, по умолчанию предметной областью другого типа должна являться не человеческая, а природная реальность. Но очевидно, что данный критерий предполагает необходимость отнесения социальных наук, тоже ведь изучающих человеческую, а не природную реальность, к одному типу с гуманитарными науками, а не к типу научного естествознания.

Второй критерий состоит в том, что гуманитарные науки используют особый способ познания, целью которого является установление неповторимого своеобразия каждого из изучаемых феноменов человеческой реальности. Эти способ и цель познания принципиально отличаются от присущей социальным, так же как и естественным, наукам индуктивной методологии, направленной на установление регулярностей и закономерностей. Трудно не согласиться с тем, что второй критерий действительно правомерно относит социальные науки к одному типу с науками естественными, отделяя их от гуманитарных наук. Однако исключительно при условии признания того, что последним действительно присущи особые цель и способ познания, но не установление регулярностей

² Там же. – С. 45.

³ Там же. – С. 65.

⁴ Там же. – С. 617.

или закономерностей посредством индуктивного метода.

Между тем, присущи ли гуманитарным наукам особые цель и способ познания в качестве альтернативных цели, состоящей в установлении регулярностей или закономерностей, и индуктивному методу достижения данной цели – это проблема. Например, Гадамер применительно к истории как самоочевидное утверждает, что цель этой науки состоит не в раскрытии «общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, каковы этот человек, этот народ, это государство, каково было их становление, другими словами – как смогло получиться, что они стали такими»⁵. Но это было самоочевидным лишь для неокантианцев. Большинство же творцов научно-гуманитарного знания, в частности – исторического, как и многие философы науки и эпистемологи, и прежде, и ныне считают необходимым ставить целью выявление регулярностей и закономерностей, используя индуктивный метод. Да и Гадамер, вопреки своему примеру с исторической наукой, согласен, что дело обстоит именно таким образом, ибо констатирует: «Логическое самоосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в XIX веке их фактическое формирование, полностью находится во власти образца естественных наук»⁶. Ясно, что за этим «логическим самоосознанием гуманитарных наук» стоит также их исследовательская практика – по крайней мере, во многих случаях. Может быть, Гадамер имеет в виду, что такое фактическое положение дел не соответствует природе гуманитарных наук и потому эти науки должны бы принять предлагаемые им особые цель и способ научно-гуманитарного познания?

Однако Гадамер настаивает, что он свою герменевтику строит исходя не из того, как *должны* обстоять дела в науке, а из того, как они обстоят *фактически*⁷. В общем, что касается представления о связи философской герменевтики с реальным положением дел в гуманитарных, как, впрочем, и в естественных и социальных науках, то в этом немаловажном пункте его учение во многом декларативно и страдает непоследовательностью и неясностью.

Колебания между гуманитарным и общенаучным предназначением герменевтики

По поводу исторической науки, имея в виду сказанное чуть выше, уже сейчас есть основание заметить, что, насколько бы успешной ни была философско-герменевтическая демонстрация соответствия ее природе особых цели и способа познания, это не может убедить в том, что они альтернативны направленности на раскрытие регулярностей и закономерностей (во всяком случае, в форме тенденций) исторического процесса с помощью индуктивной методологии. И то же самое относится к филологии, притом даже с большей убедительностью, ибо то, что филология занимается выявлением регулярностей и закономерностей языковых явлений, пользуясь индуктивным методом, это ее никем не оспариваемая и неоспоримая неотъемлемая характеристика, выражение состоятельности и прогресса в качестве науки.

Кроме того, необходимо заметить еще, что включение всего лишь двух гуманитарных наук в философско-герменевтическое исследование на предмет демонстрации присутствия им особых цели и спосо-

⁵ Там же. – С. 46.

⁶ Там же. – С. 44.

⁷ Там же. – С. 586.

ба познания не может быть достаточным основанием для распространения определенных выводов на весь разряд гуманитарных наук.

В послесловии к «Истине и методу» Гадамер, пусть и запоздало, *post factum*, пытается смягчить резкость проводимого им противопоставления цели и способа познания в гуманитарных науках цели и методологии познания в естественных, а значит, и в социальных науках. «Заострение напряженного внимания к истине и методу в моей книге, – поясняет задним числом свою позицию автор, – имеет полемический смысл»⁸.

То, каким образом Гадамер в послесловии пытается на скорую руку уточнить собственную позицию, состоит в мысли о том, что, с одной стороны, соответствие теоретических выводов фактам и практике («релевантность») не только в гуманитарных науках, но и в научном естествознании обеспечивается использованием герменевтики, поскольку она культивирует алгоритм «вопросно-ответного» способа подтверждения гипотезы фактами (подробнее о данном алгоритме герменевтики скажем ниже), необходимый также и в естественных науках. «Таким образом, вся наука включает в себя герменевтический компонент»⁹. С другой стороны, метод естествознания, схема которого состоит в «построении гипотез (конечно, посредством индукции, основополагающую роль которой в структуре «метода» постоянно подчеркивает Гадамер – В.М.) и их проверки (фактами – В.М.)» «сохраняется в любом исследовании, и в исторических науках, даже внутри филологии»¹⁰.

⁸ Там же. – С. 620.

⁹ Там же. – С. 624.

¹⁰ Там же. – С. 624–625.

Но, конечно, мы не имеем права, читая послесловие, понимать Гадамера так, что будто бы он здесь дезавуирует свою идею альтернативности особых цели и способа герменевтического познания в гуманитарных науках открытию закономерностей с помощью индуктивного метода в естественных и социальных науках. В противном случае это перечеркивало бы весь его труд, проделанный прежде написания послесловия. Уточнение, судя по всему, сводится к тому, что герменевтика для естественных и социальных наук имеет второстепенное значение, в то время как направленность на раскрытие закономерностей и необходимость индуктивного метода проистекают из самого существа этих наук, и напротив, из существа гуманитарных наук проистекает необходимость герменевтически определенных цели и способа познания, а познание закономерностей с помощью индуктивного метода – второстепенны.

Между тем поскольку уточнение Гадамером позиции по вопросу о различии цели и способа познания в гуманитарных науках и в естественных и социальных науках не равнозначно отмене основного смысла его философско-герменевтической концепции, а сохраняет идею радикальности этого различия, постольку отрицается посылка концепции: утверждение об универсальной применимости герменевтики в научном познании. На деле получается, что понастоящему значимой она является только для гуманитарных наук. Ведь предполагается, что философско-герменевтическое «измерение» входит в само существо гуманитарных наук, определяя их *differentia specifica*.

В итоге мы вправе рассудить, что философская герменевтика не имеет достаточных оснований претендовать на универсальное

значение для научного познания, что, конечно, не исключает ее значение в качестве одного из возможных исследовательских подходов в социально-гуманитарном познании.

Разумеется, данный вывод ни в коем случае не равнозначен отрицанию того – бесспорно важного – вклада, который философская герменевтика вносит в развитие познания, в частности – в осознание специфики социально-гуманитарных наук.

Жизненно-опытный способ понимания

Особые цель и способ познания, которые, согласно Гадамеру, осуществляют (на самом деле – скорее, должны бы осуществлять, если бы последовали его убеждению) гуманитарные науки, являются аспектами *понимания* (как оно толкуется в философской герменевтике ее основателя).

В отличие от естественных (и социальных) наук, целью познания в которых является истинное знание о закономерностях явлений, особая цель гуманитарных наук состоит, по Гадамеру, как уже отмечалось, в постижении истины о своеобразных – до уникальности – явлениях человеческой реальности. Истина в естественных (а также социальных) науках трактуется как соответствие высказывания о вещи самой вещи (т. е. высказывания о законе самого закона), в гуманитарных же науках истина должна представлять собой истину в смысле *αληθεία* (ἀλήθεια), что в переводе с древнегреческого значит *несокрываемость, непотаенность* постигаемого явления (т. е. неповторимого феномена). В отличие от естественных (и социальных) наук, в которых познание истины осуществляется посредством индуктивного метода, особый способ познания в гуманитарных науках Гадамер называет отсутствующим в словарях словом *Erfahrung*-

*sweisen*¹¹, сконструированным из немецких слов *erfahrung* – «опыт» и *weise* – «способ». Но *erfahrung* – это опыт не в смысле эмпирических данных, фактов (которые могли бы быть подвергнуты индуктивному обобщению), а в смысле – жизненный опыт. Так что *erfahrungsweisen* на русском языке значит что-то вроде *жизненно-опытный способ* (способ, состоящий в использовании жизненного опыта). Таким образом, философско-герменевтическая истина как *несокрываемость* (ἀλήθεια) есть цель, а значит, и результат *понимания*, а *жизненно-опытный способ* (*erfahrungsweisen*) есть способ осуществления, т. е. процесс понимания.

Герменевтический жизненно-опытный способ понимания гуманитарных наук Гадамер склонен противопоставлять не только индуктивному методу естественных и социальных наук, но и вообще всякому методу и методологизму. «Изначально герменевтический феномен, – говорится в его главном сочинении, – вообще не является проблемой метода. Речь здесь идет не о каком-то методе понимания, который сделал бы тексты предметом научного познания, наподобие всех прочих предметов опыта. Речь здесь вообще идет в первую очередь не о построении какой-либо системы прочно обоснованного познания, отвечающего методологическому идеалу науки, – и все-таки здесь тоже идет речь о познании и об истине»¹². Даже в послесловии к «Истине и методу», где во многом сглаживаются резкости философско-герменевтического учения, Гадамер не удерживается от подтверждения противостояния

¹¹ Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J. C. A. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1960. – S. 2

¹² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 38.

его герменевтики «методу». Антиметодологическое заявление здесь, между прочим, делается в уместном контексте напоминания о зависимости его герменевтики от Хайдеггера, который ведь, как известно, демонизирует роль науки в западной культуре, что не может не оборачиваться неприятием научной (по преимуществу, естественно-научной) методологии. Очевидно, рефлексом антисциентизма Хайдеггера и является антиметодологизм его ученика. А именно в послесловии Гадамер, оправдывая свою антиметодологическую позицию, говорит: «Если оценивать мою работу в рамках философии нашего столетия, то нужно как раз исходить из того, что я пытался примирить философию с наукой, и в особенности – плодотворно развивать радикальные проблемы Мартина Хайдеггера, которому я обязан в самом главном – в широкой области научного опыта, по которой я дал лишь обзор. Это, конечно, принуждает к тому, чтобы перешагнуть ограниченный горизонт интересов научно-теоретического учения о методе. Но можно ли поставить в упрек философскому сознанию то, что оно не рассматривает научное исследование как самоцель, а делает проблемой, наряду с собственно философской постановкой вопроса, также условия и границы науки во всеобщности человеческой жизни?»¹³.

В общем, вслед за Полем Рикером (1913–2005), французским философом, создавшим собственный вариант философско-герменевтического учения, вполне резонно считать, что главный труд Гадамера правильно было бы назвать не «Истина и метод», а «Истина *или* метод», потому что герменевтика определяется как альтернатива методологичности вообще¹⁴.

¹³ Там же. – С. 616.

¹⁴ Ricoeur P. *Hermeneutics & Human Sciences*. – Cambridge: University Press, 1981. – P. 43–62.

Но, однако же, надо учитывать и то, что вопреки заявлениям, что «философская теория герменевтики вовсе не является учением о методе»¹⁵, Гадамер зачастую сбивается с позиции антиметодологизма и, словно забывая собственную принципиальную позицию, время от времени квалифицирует философскую герменевтику как метод. Так, в том же послесловии вскоре после оправдания своей попытки «перешагнуть» «за горизонт учения о методе», он одобрительно отзывается о содержании посвященного ему сборника «Герменевтика и диалектика» (1970), авторы которого разрабатывают «специальные области *герменевтической методологии*» (подчеркнуто мной – В.М.), распространяя герменевтику на юриспруденцию, теологию, теорию литературы, «а также на логику социальных наук»¹⁶ (и это при том, что социальные науки Гадамер вообще считает, по сути, негерменевтичными!).

Понимание: рецепция хайдеггеровского толкования

Концепция структуры понимания, состоящей, как ее представляет Гадамер, в жизненно-опытном способе постижения истины-алетейи, имеет своим источником его рецепцию толкования существа понимания М. Хайдеггером. Рецепции хайдеггеровского толкования понимания в «Истине и методе» отводятся специальные разделы: «Хайдеггеровский проект герменевтической феноменологии» и «Открытие Хайдеггером предструктуры понимания». И, между прочим, несмотря на ключевое значение этих разделов для развития принципиальной позиции гадамеровской философской герменевтики, что, казалось бы, предполагает, что здесь-то будет однознач-

¹⁵ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. – С. 587.

¹⁶ Там же. – С. 623.

но обоснована правомерность антиметодологизма, Гадамер, напротив, все-таки «проговаривается» и о ее, философской герменевтики, методологической роли в познании.

Гадамер в своей философской герменевтике имеет в виду, прежде всего, тот аспект «фундаментальной онтологии» Хайдеггера, который был назван Хайдеггером «герменевтикой фактичности» (сначала в работе «Онтология. Герменевтика фактичности» (1923), затем в главном труде – «Бытие и время» (1927)). В «фундаментальной онтологии» Хайдеггера руководящей мыслью является мысль, что исходной предпосылкой для извлечения из «забвения» онтологии, т. е. для понимания бытия как такового, которое будто бы еще древние греки, а за ними и вся европейская философия подменили метафизикой – учением о сущем (с чем будто бы и связана абсолютизация науки, занимающейся изучением сущего, наличных вещей), должно стать понимание существования (экзистенции, от лат. *exsisto* – букв. выступать, появляться) человека. Человек есть единственное сущее, бытийствующее «фактично» – «здесь и сейчас» (этот способ бытия человека Хайдеггер обозначает непереводаемым немецким словом «дазайн», *dasein* – буквально: тут-бытие, здесь-бытие), но способное ставить вопрос о бытии и понимать бытие. «Фактичность» (нем. *faktizität*) человеческого существования означает, что именно потому человек не может быть надисторическим или внеисторическим существом, но изначально есть существо историческое. Способность же человека вопрошать о бытии и понимать бытие означает, что его собственное бытие изначально является понимающим, что понимание является неотъемлемым свойством, экзистенциалом че-

ловеческого способа бытия. Таким образом, понимание – это не только гносеологическая, но, прежде всего, онтологическая категория. Поэтому понимание чего-либо конкретного, например текста, всегда дано человеку, по крайней мере, в форме *предпонимания*, укорененного в исторической традиции, выступающей в конкретной форме *предрассудка*. Борьба эпохи Просвещения с предрассудком вообще, с любым предрассудком – борьба, плоды которой европейские наука и культура пожинают до сих пор, – сама является самым вредным предрассудком. Предрассудки содержат возможность как ложного, так и истинного предпонимания, задача познания в том и состоит, чтобы избавляться от ложных предрассудков, освобождая путь истинному предпониманию. Благодаря изначальной принадлежности конечного человека историческим традициям, он обладает и способностью проецировать будущие возможности, освобождая путь к истинному предпониманию и, наконец, к пониманию соответствующих предметов.

Процесс осуществления понимания имеет, как понятно из предыдущего, форму круга: предпонимание направляется на критическое отношение к предрассудку, а значит, и к самому себе, в результате достигается новое и более истинное предпонимание. Гадамер цитирует в этой связи толкование Хайдеггером упоминавшегося нами герменевтического круга: «Круг не следует низводить до порочного, хотя бы и поневоле терпимого круга. В нем скрывается позитивная возможность истиннейшего познания – возможность, которой, однако, мы поистине овладеваем лишь тогда, когда истолкование осознает, что его первая, постоянная и последняя задача заключается в том, чтобы его преднамерения, предосторожности и

предвосхищения определялись не случайными озарениями и популярными понятиями, но чтобы в их разработке научная тема гарантировалась самими фактами»¹⁷. Еще важный момент, который подчеркивает Гадамер: «Понимание обретает свои подлинные возможности лишь тогда, когда его предварительные мнения не являются случайными. А потому есть глубокий смысл в том, чтобы истолкователь не просто подошел к тексту со всеми уже имеющимися у него готовыми пред-мнениями, а, напротив, подверг их решительной проверке с точки зрения их оправданности, то есть с точки зрения происхождения и значимости»¹⁸. Гадамер так завершает свое, полностью толерантное к позиции Хайдеггера истолкование хайдеггеровского разрешения проблемы герменевтического круга: «Понимание, осуществляемое с **методологической осознанностью**, должно стремиться к тому, чтобы не просто разворачивать свои антиципации (предвосхищения – *В.М.*), но делать их осознанными, дабы иметь возможность их контролировать и тем самым добиваться правильного понимания, исходя из самих фактов»¹⁹.

Речь, как видим, идет о методологическом – с «методологической осознанностью» осуществляемом или, можно сказать, о методологически корректном – применении герменевтики в исследовании текстов. И на самом деле, Гадамер вслед за Хайдеггером прорабатывает определенный алгоритм решения задачи исследования содержания или смысла текста. Кратко этот алгоритм можно изложить так: формулирование на основе предварительного понимания гипотезы о смысле текста – со-

отнесение гипотезы с традицией («пред-рассудком»), т. е. с исторической подоплекой и контекстом – проверка на соответствие историческим фактам, предполагающая готовность к отказу от того, что в собственном предварительном мнении и, соответственно, в гипотезе противоречит фактам – формулирование более адекватной, приближающей к истине гипотезы – алгоритмичное предыдущему дальнейшее познавательное движение вплоть до полного соответствия гипотезы фактам, превращающее гипотезу в теорию, т. е. в истинное научное знание. Причем данный алгоритм есть именно метод в том же типологическом смысле, в каком вообще методом является научный, опирающийся на эмпирию и ее индуктивные обобщения метод, в котором истинное знание есть знание достоверное, то есть удостоверенное фактами.

Гуманитарные науки сближаются с опытом искусства, практически-исторического сознания и философии

Правда, описанный Гадамером в разделах, посвященных рецепции хайдеггеровской «герменевтики фактичности», герменевтический исследовательский алгоритм не является исчерпывающим описанием герменевтического способа понимания (фактически – метода познания). Гадамер, кроме того, дает понять в других частях своего главного труда, что герменевтика внутренним образом содержит в себе фермент искусства (художественного творчества). И еще показывает, что герменевтический способ понимания (фактически – герменевтическая методология) внутренним образом сопрягается также с философией, а

¹⁷ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. – С. 318.

¹⁸ Там же. – С. 319.

¹⁹ Там же. – С. 321–322.

конкретнее – с диалектическим методом, хотя Гадамер и избегает всячески квалификации диалектики в качестве метода. Но чем же является диалектика, если не философским методом познания? К вопросу о дополнении герменевтики ферментом искусства и философским методом диалектики мы вскоре возвратимся.

Пока же напомним, что высказывание о применении герменевтики «с методологической осознанностью» – это своего рода «проговорка» Гадамера. В тех же разделах «Истины и метода», где раскрывается значение для его философской герменевтики «герменевтики фактичности» Хайдеггера, он не забывает настаивать и на том, что понятие понимания «стало теперь уже не методологическим понятием», поскольку «это изначальная бытийная характеристика самой человеческой жизни»²⁰. В общем, и здесь нас пытаются вернуть к точке зрения на герменевтику как альтернативный «методу» жизненно-опытный способ познания.

Понимание как жизненно-опытный способ познания, противодействуя попыткам превращения его в научный метод, выводит познание за пределы науки как таковой, в более широкий горизонт, сближая науки, – конечно же, гуманитарные науки, – «с опытом философии, с опытом искусства, с опытом самой истории»²¹. Под «самой историей» здесь имеется в виду не гносеологический, а онтологический план истории, т. е. не история как наука, а историческое сознание – знание самих исторических событий и следование традициям, или иначе – «предание». «Самой истории» соответствует сознание, которое Гадамер по-немецки квалифицирует как *wirkungsge-*

*schichtliche Bewußtsein*²². По-русски, видимо, можно передать смысл выражения *wirkungsgeschichtliche Bewußtsein*, переведенное в книге «Истина и метод» не очень внятным словосочетанием «действенно-историческое сознание», так: сознание, являющееся активным внутренним моментом действия в определенных исторических условиях, или кратко: практически-историческое сознание.

«Все это, – подчеркивает Гадамер, говоря об искусстве, о практически-историческом сознании и о философии, – такие способы постижения, в которых возвещает о себе истина, не подлежащая верификации методологическими средствами науки»²³.

Исследование того, как реализуется жизненно-опытный способ постижения, начинается с исследования феномена искусства. Вместе с решением задачи развенчания искусствознания, безуспешно пытающегося постигать произведения искусства с помощью собственно научной методологии, раскрывается тот способ постижения, который, как предполагается, адекватен сути самого искусства и благодаря которому «возвещает о себе истина». (Очевидно, что «возвещающая о себе истина» – это истина-алетейя, истина как «открытость».)

Гуманитарные науки и искусство

Распространение в «науках о духе» в XIX веке методологии научного естествознания приводит, в частности в искусствознании, по оценке Гадамера, к ненормальному положению: с одной стороны, идеал научного познания требует объективности знания, но, с другой стороны, изучение

²⁰ Там же. – С. 311.

²¹ Там же. – С. 39.

²² Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J. C.A. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1960. – S. 347.

²³ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. – С. 39.

содержаний и смыслов произведений искусства только по внешности подчиняется требованию объективности, по сути же оказывается субъективистским. Особенно усугубило положение в искусствознании влияние кантовского учения. Ведь по Канту познание – это исключительно функция «чистого разума», априорные категории которого лежат в основании научного естествознания. Эстетическое же сознание, содержание которого образуется посредством так называемой «способности суждения» (т. е. эстетического вкуса), как получается, вовсе отлучено от познавательной деятельности. Спасая значение эстетического сознания для объективного научного познания, Кант прибегает к идее всеобщности (общезначимости) содержания произведений искусства. Но на самом деле идущее от Канта истолкование эстетического сознания не может не быть по сути субъективистским, поскольку «способность суждения» сама по себе не признается Кантом способностью познания, соответствующего критериям научности.

Субъективизация эстетики Кантом и искусствознанием XIX века особенно явно, согласно Гадамеру, проявляется в понятиях гения как творца произведений искусства и «переживания» как способа восприятия произведений искусства. Гений – исключительный тип личности творца, но искусство удовлетворяет общечеловеческую потребность. Следовательно, творец и «потребитель» искусства, если произведение искусства есть исключительно творение гения, должны быть конгениальны. Но тогда утрачивается смысл понятия гения – его исключительность. Это и значит, что понятие гения отображает только субъективный аспект художественного творчества. Гений, конечно, значимая фигура именно в искусстве, по-

скольку ценность каждого произведения искусства измеряется, в частности, его исключительностью. Но это недостаточно иметь в виду, когда речь идет об искусстве как творчестве, поскольку формы произведений искусства есть результат применения техники и навыков, создаваемых культурным коллективным творчеством. Тем более этого недостаточно для понимания содержания произведений искусства, поскольку и способность этого понимания, и смысл понимаемого имеют общечеловеческий характер. Понятие же «переживание» остается субъективно-психологическим, как это имеет место в искусствознании XIX века, поскольку его производность от жизни не раскрывается в плане производности от жизни индивида, взятой как целое, т. е., если мы правильно понимаем автора «Истины и метода» и если вправе передать эту его мысль своими словами, – в социокультурном контексте. Таким образом, понятие «переживание» в XIX веке остается в результате фиксирующим гносеологический план жизненности в отрыве от онтологического ее плана.

Существо искусства как онтологически укорененного способа постижения истины, как особого типа понимания, согласно основателю философской герменевтики, заключается в феномене *игры*. Ссылаясь на исследование Й. Хейзинги (1872–1945), голландского философа и культуролога, написавшего знаменитую книгу «*Homo ludens*» («Человек играющий»), Гадамер подчеркивает, что игровой момент присутствует во всей культуре и что в игре стирается различие между верой и ее имитацией. Автор «Истины и метода» радикализирует трактовку игры Хейзингой, обосновывая мысль, что в игре стирается различие между жизнью и ее имитацией, так что игра внутри себя оказывается самой настоя-

шей жизнью, особым родом бытия. Искусство является преобразованием и завершением игры. Игра как искусство есть игра как таковая. «Только в этом случае выказывается ее отделенность от изобразительной деятельности играющих, и игра состоит в чистом явлении того, что они играют»²⁴. Игра как искусство есть способ самопознания человека. Жанр искусства, в котором обнаруживается высшая истина о человеке, – трагедия. В трагедии открывается, что человеческая вина всегда с преизбытком наказывается судьбой. В этой истине о человеке отсутствует субъективность. «То, что познается в подобном преизбытке трагического зла, – это поистине общее. Зритель перед лицом силы судьбы познает самого себя и свое собственное конечное бытие. То, что постигает великих, обладает значением примера. Созвучие трагической скорби действительно не только в отношении трагического события как такового или справедливости судьбы, наступающей героя, но подразумевает и метафизический порядок бытия, касающийся всех»²⁵.

Рассмотрение опыта искусства Гадамер подчиняет установке на то, «чтобы признать в нем такой опыт истины, который не только должен быть философски обосно-

ван, но который сам является способом философствования»²⁶. Но все-таки, как понятно из того, что говорится об искусстве как жизненно-опытном способе постижения истины, которая, как в особенности в трагедийном жанре искусства, оказывается истиной о человеке, искусство только «подразумевает» «метафизический порядок бытия» человека, т. е. относится к философии только как ее предварение. В самой же философии герменевтический опыт истины раскрывается, по убеждению Гадамера, не иначе, чем на основе практически-исторического сознания и в связи с феноменом языка, раскрывающимся наиболее существенным образом в письменной форме, т. е. в текстах.

Литература

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J. C.A. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1960. – 495 s.

Ricoeur P. Hermeneutics & Human Sciences. – Cambridge: University Press, 1981. – 172 p.

²⁴ Там же. – С. 157.

²⁵ Там же. – С. 178.

²⁶ Там же. – С. 41.